

Лин Жань наблюдал за обнаженным сгибателем сухожилий, не сразу приступив к работе. Он много раз осматривал рентгеновский снимок пациента, но очень полагался на свои глаза, так как был ужасен в анализе рентгеновских снимков. Хо Цунцзюнь молча наблюдал за происходящим. Он понимал, что делает Лин Жань. Все хирурги доверяли своим глазам больше, чем чему-либо еще.

Если бы вы обратили пристальное внимание на проводимую операцию, то быстро обнаружили, что операции, которые позволили хирургам непосредственно исследовать тело пациента – это операции по пересадке органов, включая пересадку сердца, развивались бы гораздо быстрее. Если же вы посмотрите на это с точки зрения двадцать первого века, эти операции проводились в самых сложных условиях. Однако хирурги по-прежнему вызывались один за другим, чтобы взять на себя эту задачу. Или можно сказать, что они хватались за любого пациента.

Короче говоря, выполнение операции без использования других машин для оказания визуальной помощи было подобием хобби хирургов, а также любимым методом хирургии. Для них операции, такие как абдоминоскопия и операции, выполняемые с использованием хирургической системы да Винчи, были второсортными. Аортокоронарное шунтирование также было предпочтительнее по сравнению с использованием стентов...

– Разрез должен быть больше, – пробормотал себе под нос Лин Жань. Затем он приступил к работе.

Лу Вэньбинь невольно расширил глаза, когда услышал, что Лин Жаня, – Вы даже это можете сделать? Хо Цунцзюню пришлось приложить немало усилий, чтобы не заговорить. Хирургу было довольно неловко даже упоминать о том, что ему пришлось дважды порезать пациента.

Однако Лин Жань не знал об этом негласном правиле. Большую часть времени до этого оставался в процедурном кабинете и отделении неотложной помощи. Он не был ни в других отделениях, ни в операционной отделения неотложной помощи.

Лин был действительно неопытным, когда дело доходило до определения длины разреза. Он просто хотел увидеть больше, поэтому ему, естественно, пришлось сделать разрез длиннее. Это был единственный способ, когда операция могла быть проведена более легко. Из-за этого шрам пациента стал длиннее, но рубцы, очевидно, не были главным соображением, когда дело доходило до операций, связанных с разрывом сухожилий.

Как бы он ни старался свести к минимуму шрамы при разборке или наложении швов, он не стал бы так много думать об этом в такой момент. Шрам все равно останется, и его длина не будет иметь никакого значения. Вместо этого, вероятность успеха будет иметь огромное значение в жизни пациента.

При наилучших обстоятельствах послеоперационное общее активное движение(ОАД) было бы стопроцентным, и это означало бы, что диапазон движения пальца пациента не будет отличаться от обычного. ОАД считался превосходным, в то время как ОАД более семидесяти пяти процентов был приличным, с гарантированной способностью пациента выполнять ежедневные задачи.

Восемьдесят пять процентов пациентов, чьи сгибатели сухожилий были сшиты с использованием техники М-Тана, достигли бы отличного или хорошего ОАД. Это означало, что восемьдесят пять из ста человек, чьи сгибатели сухожилий были сшиты с помощью техники М-

Тана, могли вернуться к нормальной повседневной жизни. Эти статистические данные было очень трудно получить, даже для сухожилий в других положениях с более низкой трудностью сшивания.

В большинстве обычных больниц, под руководством отличных врачей, достижение «удовлетворительно» ОАД между пятьюдесятью и семидесятью пятью процентами после сшивания сгибателей сухожилий было уже благословением. Несмотря на то, что пациенты с ОАДом такого диапазона все еще могли использовать свои пальцы, некоторые действия – такие как подметание пола, держание миски и очищение яйца – стали бы трудными и почти невозможными.

Но даже в этом случае, когда дело доходило до сшивания сгибателя сухожилий во многих больницах, не было бы так много пациентов, которые достигли «удовлетворительно» ОАД.

Лин Жань не заботился о том, что делают обычные врачи в больницах. Он стремился к большему. Однако не был уверен в результатах этой конкретной операции. Таким образом, он мог только стараться изо всех сил, чтобы повысить шансы на успех.

– Раскройте обе стороны кожи, – Лин Жань вытащил кортикальный слой кожи парой щипцов и передал их Лу Вэньбиню, пока тот занимался этим.

– Вот так, отлично, – несмотря на то, что Лу был немного встревожен, он без сучка и задоринки оттянул кортикальный слой кожи в сторону.

Повторив тот же шаг несколько раз, все сухожилие оказалось в поле зрения Лин Жана.

Когда он судил об этом, основываясь на уровне мастерства, который он получил, было слишком много воздействия. Однако это облегчит операцию и увеличит лимит допуска.

Сухожилие пациента было разрезано уже почти двадцать часов назад. Контузия и травма сухожилия – что, безусловно, снизило бы уровень успеха – были в основном неизбежны. Вот почему Лин Жань предпочел, чтобы разрез был больше. Конечно, это было еще и потому, что у него было очень мало опыта, когда дело доходило до разрезов. Лин Жань снова посмотрел на обнаженное сухожилие. Он колебался не приступая к работе.

Сгибатели сухожилий существовали для того, чтобы согнуть пальцы на руках и ногах. У каждого человека их имелось по пять штук, которые тянулись от запястий до кончиков пальцев. Если вы посмотрите на анатомическую диаграмму, они будут похожи на резиновые ленты, прижатые к запястьям, а затем вытянутые в пять пальцев. Несмотря на то, что толщина каждого сухожилия сгибателя была примерно равна толщине провода зарядного устройства для айфона, они были чрезвычайно упругими и прочными. И наложение швов на сгибатель сухожилия было затруднено, потому что их упругость и прочность должны были сохраняться.

Операция должна была гарантировать, что сгибатель сухожилий не разорвется снова, чтобы гарантировано исполнять свою. Потеря прочности или упругости сгибателя сухожилий может привести к неудачной операции. Лин Жань смотрел на покрытый кровью, но в остальном белый, как кость, сгибатель сухожилия. В голове пронеслось несколько сценариев. Он не знал, что делать до начала операции, потому что был недостаточно опытен. Но сейчас у него не было времени на размышления. Очень скоро Лин Жань протянул руку.

– Иглодержатель.

Ван Цзя облегченно вздохнула и быстро передала иглодержатель с хирургической нитью,

прикрепленным к игле. Она бы забеспокоилась за него, если бы он снова попросил скальпель.

Лин Жань нашел нужное место и без колебаний отправил иглу внутрь. Его движения были в более искусными по сравнению с тем, как он делал надрез.

Если бы вы описали это с помощью сравнений, то для Лин Жаню делать надрезы было все равно что разводить коров, а накладывать швы – просто есть говядину. Он даже испытывал восторг, держа в руках иглодержатель.

Игла сверкнула...

Каждое движение было точным...

Когда Лин Жань поднял иглодержатель, он наконец, показал свои навыки уровня мастера – навыки, которые победили Хо Цунцзюня. Он стоял рядом с Лин Жанем и смотрел, как коллега работает. Он был доволен, чем – то доволен собой и в то же время недоволен. Это был тот уровень мастерства, который позволил Хо Цунцзюню лично самому отправиться в округ Лай Тай.

Все тело Лу Вэньбиня дрожало. Он слышал о том, как Лин Жань впервые провел операцию по методу М-Тана, а также был свидетелем его мастерства, когда накладывал швы на ногу свиньи в старой кладовке. Последний инцидент дал Лу Вэньбиню более прямой обзор, но Лин Жань все-таки зашивал мертвые ноги и делал это очень «простым» способом, чтобы Лу мог понять шаги техники М-Тана.

В этот момент Лу Вэньбинь был последним, о чем думал Лин Жань. Чтобы уменьшить сложность задачи, он разрешил ассистенту работать с ним везде, где способен это сделать. А там, где был неспособен, Лин Жань брал руководство себе, не говоря ни слова. Затем он завершил весь процесс этого конкретного этапа в текущей операции.

Лу Вэньбинь почувствовал огромное давление всего за несколько минут и уже знал, что будет маргинализирован. Но он был не из тех, кто готов к этому, когда стоит перед операционным столом и лицом пациента, других врачей и медсестер. В этот момент Лу Вэньбиня еще меньше волновал тот факт, что ему было неловко выполнять работу ассистента перед стажером. Кроме того, навыки есть навыки. Это не изменится из-за чьей-то личности.

Лу Вэньбинь пристально посмотрел на обнаженное сухожилие, надеясь рассмотреть больше деталей. Естественно, Лин Жань заметил перемены в своем помощнике. Осмотрев так много ран в процедурном кабинете, он уже привык постоянно наблюдать за людьми вокруг себя.

Лин Жань слегка улыбнулся и сказал: – Это не очень отличается от сшивания сгибателя сухожилий свиньи, не так ли?

– А? Все по-другому, слишком по-другому. Лу Вэньбинь тоже не знал, что сказать, и отчаянно замотал головой.

Лин Жань пробормотал что-то в знак согласия, но оставил эту тему. Это оставило ассистента весьма разочарованным. В операционной наступила тишина. Только команды Лин Жаня эхом отдавались в операционной, время от времени.

– Ножницы.

– Щипцы.

- Надавите немного на повязку.

Несколько непривычный к тишине, анестезиолог Су Цзяфу несколько раз пошевелился, и стул под его телом закрипел. Мысли блуждали: «Мне действительно нужно похудеть в этом году. Сбросить по крайней мере шестьдесят пять фунтов, чтобы я мог притвориться красивым молодым человеком. Но так делать нельзя, потому что это не хорошо для здоровья, потерять слишком много веса за один раз». Он со скукой поднял голову посмотрев в сторону операционного стола, тут же встретился взглядом с Хо Цунцзюнем.

Что это был за взгляд?

Су Цзяфу быстро начал анализировать с его: «Директор отделения Хо когда он главный хирург любит поболтать. Однако сегодня главный Лин Жань, а он не любит болтать просто так. И директор Хо тоже ничего не говорит, потому что он беспокоится, что Лин Жаня отвлечёт эта болтовня. Итак ... Хо Цунцзюню скучно... так что, черт возьми, с этим свирепым взглядом, он определенно хочет мой стул. Су Цзяфу молча встал, выпрямился и сделал вид, что небрежно потягивается.

«Скрип»...

Не хватило времени, чтобы колесики маленького круглого табурета покатались, прежде чем табурет был утащен. Он издал звук скрежета. Директор отделения Хо забрал его. Он сел на табурет и сверкнул улыбкой старого вождя, которая уже давно должна была появиться.

Су Цзяфу мучительно вздохнул, даже не потрудившись потянуться. Он рассеянно подумал: «Если так пойдет и дальше, то я, наверное, сброшу больше восьмидесяти пяти фунтов. Это не годится, будут проблемы со здоровьем, если слишком похудею. В следующий раз просто буду любезничать с медсестрами и попрошу их принести еще один стул».

- Я закончил, - сказал Лин Жань и начал проверять швы.

Хо Цунцзюнь немедленно встал и отодвинул маленький круглый табурет в угол операционной.